

Persian Poetry in the Perception of Wilhelm Küchelbecker

Aloe Stefano Vinchencovich¹

Professor, University of Verona,
Verona, Italia.

(date of receiving: January, 2018; date of acceptance: October, 2018)

Abstract

The interest in the poetic traditions of the Middle East is a widespread phenomenon in Russian culture and literature of the first half of 19th century and particularly this attention was high in the Romantic period. But, generally speaking, it is possible to identify this interest as short-lived one, as a mere trend that leave few traces in the subsequent literary taste. Among the most remarkable exceptions is the well-known writer Alexander Griboedov, who was able to speak many foreign languages, including Persian and Arabic. The case of his friend and comrade Wilhelm Kuchelbecker is less well-known. Kuchelbecker knew neither Persian nor Arabic, but he was actively interested in the poetry of the Middle East and in particular the poetry of Ferdowsi and Saadi, which influences the compositions and poetics of some of his own works of the 1920s and 30s.

Keywords: Wilhelm Küchelbecker, Alexander Griboedov, Ferdowsi, Persian Poetry, Johann W. Goethe.

---

1. E-mail: stefano.aloe@univr.it

Персидская поэзия в восприятии В.К.Кюхельбекера

Алоэ Стефано Винченцович¹

Профессор, Университет г. Вероны,

Верона, Италия.

(дата получения: январь 2018 г.; дата принятия: октябрь 2018 г.)

Аннотация

Интерес к поэтическим традициям Ближнего Востока – довольно распространенный феномен в русской культуре и словесности первой половины 19 в., а, в частности, в краткий период распространения идей романтизма. Однако в большинстве случаев можно ограничить такой интерес уровнем скоротечной моды, не оставляющей значительных следов в литературном вкусе. Среди исключений есть известный пример А.С. Грибоедова, одного из немногих русских литераторов, которые владели такими языками, как персидский и арабский, среди прочих. Не так известен случай В.К. Кюхельбекера, друга и соратника Грибоедова. Кюхельбекер упомянутых языков не знал, но активно интересовался поэзией Ближнего Востока, и в частности поэзией Фирдоуси и Саади, что повлияло на композицию и поэтику некоторых его собственных произведений 20-х – 30-х гг.

Ключевые слова: В.К. Кюхельбекер, А.С. Грибоедов, Фирдоуси, персидская поэзия, Й.В. Гёте.

---

1. E-mail: stefano.aloe@univr.it

Введение

Интерес к поэтическим традициям Ближнего и Среднего Востока – довольно распространенный феномен в русской культуре и словесности первой половины XIX в., а в частности в краткий период распространения идей романтизма. Без сомнений, и за редчайшими исключениями, источники этого интереса не были прямыми – Россия той эпохи всё принимала через посредничество Западной Европы: среди самых влиятельных источников были «Западно-Восточный Диван» Й.В. Гёте (первое издание – 1819, второе изд. – 1827) и поэмы Дж.Г. Байрона того же периода, но стоит иметь в виду, что «в 20-30-е гг. XIX в. интерес к Востоку был столь велик, что переводы «филологического» направления с арабского и персидского публиковались время от времени и в журналах для широкой публики» (Чалисова, Смирнов 2000. 267). В восприятии русской культурой этих и подобных произведений часто ощущается легкость скоротечной моды в духе романтического ориентализма, не оставляющей значительных следов в национальном литературном вкусе. Но самая геополитическая и культурная специфика России способствовала смешению европейского ориентализма с непосредственными попытками внедрения в «поэтику» Востока, в поиске точек соприкосновения русской «народности» с соседними цивилизациями. Оригинальными фантазиями над русско-восточными темами являются, например, «Сказки» А.С. Пушкина, создающие определенный канон в русской культуре. Можно еще упомянуть литераторов-ориенталистов, владеющих такими языками, как персидским и арабским: среди них О.И. Сенковский, Ф.Б. Булгарин и, пожалуй, самый известный, А.С. Грибоедов. Особенно значимым был вклад последнего в поэтике молодых поэтов поколения Пушкина, так называемых «славян» (как они сами себя иногда определяли) или «архаистов» (как их знает история русской литературы вслед за Ю.Н. Тыняновым – ср. Тынянов 1929). Один любопытный, но малоизвестный пример активного

интереса к поэтике Востока, а в частности к персидской поэзии вводится к творчеству В.К. Кюхельбекера, который с другом Грибоедовым разделял ряд идей относительно литературы и языка. По следам Грибоедова, Кюхельбекер в начале 20-х гг. XIX в. искал то, что можно было бы назвать «библейско-восточным путем» к новой русской поэзии.

Основная часть

Своеобразие образования и литературной ориентации Кюхельбекера были причиной одновременно уважения и насмешек внутри его творческой среды в начале 20-х гг., в период, когда в нее вступил молодой поэт и теоретик саксонского происхождения. Авторитетность Кюхельбекера основывалась на его эрудиции, смелости и фантазии, и он один из первых стал проповедником романтизма в России. За его характер и экстравагантность некоторых его поэтических опытов его в то же время многие принимали за чудака. В литературной традиции эта вторая черта прочно утвердилась, затмевая первую. Этому способствовало в том числе и факт, что после активного участия в «декабристском восстании» 1825 г. Кюхельбекер провел всю остальную жизнь далеко от культурных центров, без возможности продолжать свою деятельность внутри сферы литераторов. Его забыли. А современники, как в первую очередь Пушкин и Грибоедов, высоко ценили его литературный труд, хоть и не всегда его одобряли.

Главная тема поэтических исканий Кюхельбекера в начале 20-х гг. была связана с созданием нового литературного языка, способного принять в себе в качестве генетических основ два начала: церковнославянскую, «высокую» традицию и народную, «низкую» традицию. Очень близкий к убеждениям П.А. Катенина и еще больше А.С. Грибоедова, Кюхельбекер видел в сочетании этих двух богатых, но отдельных традиций путь к современному и совершенному литературному языку и к выражению русской народности.

Одно из направлений этих исканий было связано с развитием «библейского» стиля церковного происхождения в конфликтном сопоставлении с классической традицией европейского вкуса, с целью решения же конфликта через синтез этих двух стихий (ср. Тынянов 1939. XXXII). Говоря о «библейском» стиле имеется в виду не только то, что связано с церковнославянской Библией, но и переводы из восточной (персидской, арабской) поэзии и первые, влиятельные русские переводы Корана, появившиеся в 1790 и 1792 гг. и характеризованные нарочито церковнославянской лексикой и стилистикой (Книга Аль-Коран 1790; Ал Коран 1792). Приближению к богатой сокровищнице восточной поэтической традиции способствовало для Кюхельбекера несколько обстоятельств: во-первых, возможность читать на родном немецком языке «Диван» Гёте, инспирированный персидской любовной поэзией и в первую очередь Хафизом; во-вторых, влияние поэта-ориенталиста Грибоедова, знатока персидской культуры и литературы; в-третьих, распространение переводов и подражаний в русских и западных журналах эпохи; и в-четвертых, пребывание поэта с декабря 1821 до мая 1822 г. на военной службе в Тифлисе, где он, под покровительством того же Грибоедова, смог лично познакомиться со многими деятелями культуры Кавказа, в том числе с азербайджанским поэтом и просветителем Абас-Кули-ага Бакихановым, и довольно глубоко проник в мозаику кавказских культур (Попов 1951. 181-189), в лоне которой престиж персидской традиции был живым и осязаемым. Тифлисская среда оказалась неожиданно вдохновляющей для Кюхельбекера. Прежде всего, его внимание сосредоточено на возможности общения с Грибоедовым, который, как он писал матери по прибытию в Тифлис 18 декабря 1821, «очень талантливый поэт, и его творения в подлинном чистом персидском тоне доставляют мне бесконечное наслаждение» (Тынянов 1939. XXVII). А к сестре Кюхельбекер писал в тот же день о своей надежде «быть посланным секретарем при

посольстве в Персию» (Там же). Однако судьба сложилась иначе, и не только не ввела его в Персию, но и удалила скоро из Кавказа в последствии одного скандала, устроенного вспыльчивым поэтом на службе.

Несмотря на то, что пребывание Кюхельбекера в Тифлисе было довольно кратковременным, оно сильно подействовало на его литературное сознание. Один из результатов – появление «персидской темы» в его творчестве и в теоретических статьях, опубликованных в период 1824–25 гг. Показательно высказывание из его самой известной статьи под названием «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (1824): «При основательнейших познаниях и большем, нежели теперь, трудолюбии наших писателей Россия по самому своему географическому положению могла бы присвоить себе все сокровища ума Европы и Азии. Фердоуси, Гафис, Саади, Джамии ждут русских писателей». (Кюхельбекер 1979. 458). А в одной рецензии 1825 г. он, сопоставляя своего кумира Шихматова Кальдерону, замечал, как «цветущий слог и того и другого представляет одинакий отпечаток восточной роскоши; краски их пламенны; мысли утонченны; иносказания, олицетворения, уподобления в их творениях во множестве. Оба они, подобно поэтам Азии, любят играть словами», заключает Кюхельбекер, уподобляя их по избытку остроумия Гафису и Шекспиру (Там же. 482).

Не иначе действует Кюхельбекер в своем собственном творчестве. Дружеское восхищение Грибоедовым уже в 1823 г. отразилось в стихотворении «А.С. Грибоедову (при пересылке к нему в Тифлис моих “Аргиян”»)» и в замысле поэмы, так же ему посвященной, в которой превозносились великие качества, как поэтические, так и гражданские, молодого русского дипломата и поэта. Поэма вероятно никогда не была написана, за исключением программного введения, известного под названием «Начало поэмы о Грибоедове». В этих двух произведениях поэтика Востока, а в частности веяние персидской поэзии, выступает как один из характерных компонентов, предложенных Кюхельбекеровым для обновления русской

поэзии под знаком «певца» Грибоедова. Своей душе в упомянутом стихотворении Кюхельбекер велит:

*Предстань певцу в прозрачной тьме
На тихом значном том холме,
Где ныне, может быть, он запах Гулистана
Вбирает жадною душой,
Где старец вечно молодой,
Где музы пышные святого Фарзистана
Парят над вещею главой!* (Кюхельбекер 1967. 170)

Таким образом, душа поэта-отправителя, находит в душе поэта-адресата отголоски «старца вечно молодого», то есть Саади, как сам автор аннотирует в рукописи. Встреча с другом-певцом над землями «святого Фарзистана» составляет момент сплетения двух поэтических традиций – персидской и античной – так как к «музам пышным» персидской поэзии он приносит свою трагедию «Аргивяне», и

*Поэту я вручу камен ахейских дар:
Не он ли воститал во мне их чистый жар?
Они его: моя прекрасная Аглая,
Мой пылкий Протоген, мой гордый Тимофан.
Им был мне новый пламень дан! (Там же.)*

В этом сплетении есть попытка осуществить программу самого Грибоедова создания синкретической поэтики, объединяющей в русской словесности наследие античной поэзии с библейско-восточным наследием о котором сказано выше.

Увлечение колоритом Персии еще сильнее в начальном отрывке оставшейся ненаписанной поэмы о Грибоедове. Главные черты этого интереса – раскрытие прелести персидской поэтической традиции (разумеется, в

переводах на разные языки, поскольку Кюхельбекер, в отличие от Грибоедова, не владел фарси); сильные личные впечатления от многоэтничной пестроты Кавказа, с которым поэт ассоциирует и земли Ирана как культурный макро-ареал; типичные для Кюхельбекера филологические способности и эрудиция, объясняющие его настоящее «наслаждение» звучанием персидских топонимов, имен, слов. Такими именами и словами изобилует это небольшое начало поэмы, они не только участвуют в стилизации произведения из-под восточной поэзии (в повествовательном вымысле поэмы рассказ ведет персонаж по имени Абаз, вероятно моделированный по личности Бакиханова), они вызваны раскрыть читателю звуки другого языка – фарси:

*Тебя могу ли вспомнить, Дара,
Владыка всех подлунных стран,
Тебя, Хожроев бранный стан,
Вас, битвы грозного Шапура?
Здесь на берегах плененных Кура
Гремит оружием урус... (Там же. 347).*

Кюхельбекер особенно любил поэтические триады, им придавал собирательное значение и роль заключенного совершенства (см. Алоэ 2003); здесь через триаду героинь – «Зулейка, Мириамь, Ширинь, / Цветы утраченного рая» он создает образ Пантеона восточной поэзии, с намеком на поэмы Джами «Юсуф и Зулейка» и Низами «Хосров и Ширин»: «Пусть миг один в саду земли, / Благоухая, вы цвели»... (Там же. 347).

В подобной картине, фигура Грибоедова («Исандера») вписывается как образ типично романтического (почти байроновского) героя:

*...кто сей молодой гаур,
Потерянный в толпе безумной,
Валящей по мосту чрез Кур? –*

*Задумчив средь заботы шумной
 Армян, евреев и грузин,
 Он в многолюдстве их один
 Идет нескорыми шагами
 И смотрит тихими очами
 На искры яростных пучин,
 Зажженных запада лучами.* (Кюхельбекер 1967. 348).

Тому, что интерес Кюхельбекера к особенностям языка фарси, пусть ему неизвестного, был не совсем поверхностным свидетельствуют попытки, сами по себе вполне эмпирические и неточные, передавать персидские слова в формах близких к фонетике оригинала, отличая, например, русского звука 'ch' от персидского 'h' в топониме «Таеран». Разумеется, такое решение далеко от научного отражения фонетики фарси, но задача поэта была в данном случае скорее дифференцировать два языка, чем указать на точное фонетическое свойство слова; важнее было показать его приблизительно достоверное и тем самым специальное, «нерусское», произношение. Такое же решение встречаем и в других страницах Кюхельбекера: так, например, в его «Дневнике» читаем «Ша-Наме» вместо уже в ту эпоху обычного в русской традиции «Шах-Наме» (ср. Кюхельбекер 1979. 76).

Поэме о Грибоедове, начатой в 1822 или 1823 г., не было суждено быть осуществленной, но интерес Кюхельбекера к поэтике Востока не уменьшилось и, как уже было упомянуто, отразилось в его деятельности критика и теоретика литературы. Вообще, он в период 1824–25 гг. сосредоточил свои силы, прежде всего, на издании, вместе с В.Ф. Одоевским, литературного и философского альманаха «Мнемозина», в котором и появились его теоретические статьи и разборы чужих произведений. Это момент максимального успеха и авторитета Кюхельбекера и прерывается мгновенно с

декабристским восстанием и последующими побегом и арестом поэта в Варшаве в начале 1826 г.

По завершению дела декабристов и осуждения, Кюхельбекер проводит кризисный период в строгом режиме заключения, без возможности писать и общаться и во внутренней борьбе с сильными сомнениями по поводу происшедших событий. Из этого глубокого кризиса поэт начинает выходить благодаря новому, грандиозному и слишком амбициозному замыслу поэмы «Давид», по сути явившейся развитием и продолжением брошенного замысла поэмы о Грибоедове. В условиях заключения в разных казематах Прибалтики, Кюхельбекер на этот раз смог довести до завершения свой замысел, и в период между 1826 и 1829 гг. поэма «Давид» была написана. На ее основе очередной раз лежит грибоедовский импульс: на первых страницах первого выпуска альманаха «Мнемозина», в 1824 г., Кюхельбекер опубликовал небольшое стихотворное произведение Грибоедова по тому же названию – «Давид». Для Грибоедова сначала, а теперь для Кюхельбекера, ветхо-заветная фигура царя-пророка Давида становилась ключевой, поскольку в Давиде оба поэта видели черты, необходимые для соединения разных поэтических и литературно-языковых традиций русской словесности и мощный гражданский и политический символ. На этот синкретический проект, о котором было уже выше сказано, Грибоедов и Кюхельбекер возлагали основные надежды создания литературного канона новой эстетической и идеальной концепции, но крепко связанного с корнями русской истории и словесности. Соединение античного и библейского начал служило для Кюхельбекера еще и орудием для преодоления догматизма старых правил, стилей и жанров во имя романтической триады «свободы, изобретения и новости» (Кюхельбекер 1979. 457). Это то, что изначально Пушкин воспринимал с острой иронией – ср. в письме А.С. Пушкина Л.С. Пушкину от 4 сентября 1822 г.: «Только в его [т.е. Кюхельбекера] голову могла войти жидовская мысль воспевать Грецию,

великолепную, классическую, поэтическую Грецию, Грецию, где всё дышит мифологией и героизмом, – славянорусскими стихами, целиком взятыми из Иеремия»... (Пушкин 1982. 17) – но вскоре сам Пушкин по-своему усвоил и усовершенствовал итоги опыта друга.

Возвращаясь к поэме «Давид», до сих пор не полностью опубликованной, речь идет о громадном произведении около 10.000 стихов, в центре которого, помимо освещения известной истории о юном пастухе, ставшем царем Израиля, стоит большой полностью придуманный эпизод «Единоборства Гомера и Давида», составляющий Книгу VIII поэмы. Здесь чрезмерно вольная фантазия поэта воображает поэтическое единоборство, организованное царем Анхусом, основателем Трои: две поэтические традиции, представленные Гомером и Давидом, «дуелируют» перед царем! Победителем странного единоборства будет Давид, воспевающий Всевышнего и Милосердного Бога и таким образом сумевший прибавить «восторгу» и «вдохновению» – в не меньшей степени свойственным и его антагонисту – Божие освящение, единственно способное воплотить смыслом те же вдохновение и восторг.

В концепции поэмы «Давид» Кюхельбекер вложил плоды своего интереса к поэтике Востока, но тематика поэмы могла только косвенно касаться арабо-персидской поэтической традиции. К тем же идеям поэт вернулся в следующие годы уже с более конкретным вниманием к специфике персидской литературной традиции, которую он и в тюрьме продолжал активно изучать через журналы и книги, присланные ему родственниками и друзьями относительно часто. Самый значимый творческий плод этих усилий – поэма «Зоровавель», написанная в 1831 г. и неоднократно подвергающаяся переработке в течение следующих лет. Перед тем, как заговорить об этой поэме уместно уточнить по возможности уровень знаний Кюхельбекера в том, что касается арабо-персидской поэтической традиции в начале 30-х гг. Это можно проследить на основе тюремного «Дневник».

Филологический талант Кюхельбекера явствует из записи «Дневника» от 1-го января 1832 г., в которой он, по прочтению повести о Еруслане Лазаревиче, замечает:

в этой сказке точно есть отголоски из "Ша-Наме"; ослепление царя Картауса (у Фирдоуси царь называется Кавусом) и его богатырей и бой отца с сыном, очевидно, перешли в русскую сказку из персидской поэмы. <...> хотелось бы мне послушать "Еруслана Лазаревича" из уст простолюдина, в приволжских губерниях; почти уверен, что тут бы я нашел еще более следов азиатского происхождения этой сказки.
(Кюхельбекер 1979. 76).

Этим своим мимоходным наблюдением Кюхельбекер первым раскрыл первоисточник древнерусской сказки (См., например, (Топоров 2006. 511). Другие дневниковые записи подтверждают устойчивость интереса поэта к восточной поэзии. Например, в записи от 26 февраля 1832 г., после прочтения поэмы «Птицы и цветы» Ашц-Эддин Эльмокадесси, он перечисляет лучших, по его мнению, авторов арабской поэзии (Кюхельбекер 1979. 103). А в одном письме племяннику Б.Г. Глинке от 21 декабря 1833 г. он написал большой список книг, которые он желал бы получить в тюрьму, среди которых встречаются немецкий перевод «Schach-Nameh» и «на каком-нибудь известном мне языке, то есть французском, английском или немецком, перевод *Корана*» (Кюхельбекер 1979. 713). Но в принципе, основные сведения Кюхельбекера об арабско-персидской литературной традиции относятся еще к 20-м гг., и только эпизодично мог он пополнять их будучи заключенным. Персидская тема особенно выросла в его творческом мире после известия о гибели Грибоедова в Тегеране в 1829 г. и осуществилась в вышеупомянутой поэме 1831 г. «Зоровавель», входящей в более широкий незавершенный замысел под названием «Русский Декамерон». Первая часть этого рамочного сборника, придуманного, как одноименный средневековый шедевр Боккаччо, в

духе восточных верениц новелл, была отправлена Кюхельбекером Пушкину, который смог через несколько лет ее опубликовать анонимно под названием «Русский Декамерон 1831 года». Следуя боккаччевой схеме, каждое произведение сборника сопровождается диалогами между молодыми аристократами, обсуждающими разные темы и сюжеты в условиях изоляции из-за эпидемии холеры. Поэма «Зоровавель» – первое произведение сборника и поэтому было опубликовано при жизни автора, то есть в пушкинском издании 1836 г. Главным героем повествовательной рамки «Русского Декамерона» выступает поэт Чинарский (выдуманная фамилия явно активизирует восточный подтекст), который в своих убеждениях близко напоминает Грибоедова и самого Кюхельбекера. В сюжете «Русского Декамерона» Чинарский читает гостям деревенского дома поэму, которую он сам сочинил в Тифлисе: «Предмет моего рассказа из персидской истории, происшествие персидское, нравы также, самому слогу я старался придать нечто восточное, персидское» (Кюхельбекер 1979. 510). Беседа оживляется и вопросы гостей позволяют Чинарскому уточнить дух и исторические рамки своей поэмы, касающейся древней Персии в первые годы царствования Дария Истаспа. Впрочем, большею частью я следовал источникам не греческим и посему и Дарию и Персии возвратил их настоящие, народные имена: первый у меня везде Дара, сын Густаспов, вторую почти везде называю Ираном. <...>. Когда называю Иран царством света, как называет его иранец Фирдоуси, противопоставляя свое отечество царству мрака, Турану, нынешнему Туркестану, когда упоминаю о Рустме, Зале, Феридуне, героях, славных в одних иранских сказаниях; когда употребляю везде, сколько был в силах, краски поэтов восточных: могу ли я присвоить имена ненародные тому царю, той земле, о которых рассказываю? (Там же).

Следует в беседе ряд объяснений по поводу религиозного дуализма древней Персии и происхождения царя Кира. Неоднократно упоминается «Ша-Наме», то есть «Книга Царств, поэма Фирдоуси́, персидского Гомера, в

которой он повествует деяния баснословных царей иранских...». (Там же. 512). Педантизм Чинарского во многом повторяет черту его автора и серьезно замедляет чтение диалога. Мы получаем прямое свидетельство о других важных источниках Кюхельбекера, так как в ходе беседы упоминаются еще «Лалла-Рук» Томаса Мура и «Западно-восточный Диван» Гёте; таким образом, от эпики Фирдоуси разговор переходит к любовной лирике Джамии и Хафиза:

Все это прекрасно – говорит Графиня – но, признаюсь, мне было бы гораздо приятнее, если бы вместо всех этих Дар и Густаспов вы нам сказали слова два о Пери, о Дивах, о любви Розы и Соловья, о волиебной природе востока, которую так прелестно изображает Мур в "Лалла-Рук". <...>. По крайней мере, хоть воображением залетим в сады Тузские и вберем в себя благоухание розы Кашемира, прекраснейшей из всех цветов земных! (Там же. 513).

Сама поэма «Зоровавель» подтверждает характерный синкретизм Кюхельбекера, смешивая в себе библейский сюжет (из второй книги Эздры, 3–4) с историческими знаниями о древней Персии и колоритом мусульманского Ирана. Как в случае поэмы «Давид», в центре произведения стоит ораторское соревнование, на этот раз между тремя юными слугами царя Дария (Дара). Но настоящий повествовательный центр поэмы находится, пожалуй, в сюжете о персидском народном рассказчике, который собирает толпу слушателей в городе Тавризе, оккупированном русскими войсками во время русско-персидской войны 1829 г.

*Да даст Алла
Устам моим благословенье!
Да будет речь моя светла
И стройно слов моих теченье!
<...>.*

*Нет, Рустма, Зама, Феридуна
Не славлю: слаб, бессилен я;
Их славить нужны блеск перуна,
Морей обилье, глас громов...»* (Кюхельбекер 1967. 475).

Почти все в поэме подвергается стилизации с позиций восточного рассказчика. Молодой еврей Зоровавель описан в духе Джами.

*Как дева нежный, ростом малый;
Его уста, как роза, алы,
Цветов царица, райский цвет,
Который до земли одет
Эдема Тузского шиповник,
К которому летит любовник,
Весенний страстный соловей
И, сокровен от всех очей,
В душистой тьме поет и стонет
И в море сладкозвучья тонет.* (Кюхельбекер 1967. 480).

Еще больше, чем в стихах, посвященных Грибоедову в 1822 г., Кюхельбекер в поэме стремится передать с эмпирической точностью особенности произношения персидских слов, считая нужным даже снабжать текст разъяснительными примечаниями: «Персияне в просторечии вовсе не выговаривают сильного придыхательного звука некоторых арабских слов, напр. Алла́, Мао́мет» (Там же. 503). «Персидская» фонетика (согласно поэту, предлагающему варианты 'Ша-намэ', 'Рустм', 'Дара', 'Куран', 'Джемшид', 'Зердужт', 'Густаси' и т.п.) и восточная лексика (напр. 'Калиан', 'Хан', 'Падиша', 'харем', 'чубук', 'халиф'...) составляют скорее главную стилистическую доминанту текста.

Приближение к поэтике восточной поэзии не могло не привести к стилизации, как сам Кюхельбекер признавал через своего персонажа Чинарского: намерение слить в поэме «поэзии восточную и западную» было заманчивым, но «если подумаю, как мало это удалось даже великому Гете, несмотря на многое прелестное, многое превосходное в его Диване, как везде виден шов, которым у него Запад приделан к Востоку или Восток к Западу, как редко ему случается быть истинным Гафизом, истинным мусульманским книжником, и как везде почти фрак выглядывает из-под его иранского кафтана; если подумаю обо всем этом, как могу еще надеяться, что приблизился к своей цели?» (Кюхельбекер 1979. 515–516).

Заключение

«Зоровавель» – последнее произведение Кюхельбекера, в котором действует архаизированное направление, продиктованное Шихматовым, Шишковым и Грибоедовым в 20-е годы. Поэт останется верным библейской тематике, но уже без такого стремления к славянизмам. Следовательно, потеряет свою функцию и восточная тематика, следы которой можно все-таки еще встретить в «драматической сказке» «Иван, купецкий сын» и в «мистерии» «Ижорский». Кюхельбекер придавал поэме «Зоровавель» большое значение, о чем свидетельствуют его примечания, намеки и записи в течение нескольких лет: недоволен поэмой во многих отношениях, он видимо ощущал в ее недостатках провал целого литературного идеала, заимствованного от Грибоедова. В последний период своей жизни и творчества поэт найдет новый стиль, еще крепко связанный с поэтикой Библии и с церковнославянской литературой, но свободный от излишеств архаизма и поэтому же более современный.

Литература

- 1- *Ал Коран Магомедов* (1792). *Ал Коран Магомедов*, переведенный с арабского на английский Георгием Сейлем. С английского на русский перевел Алексей Колмаков. СПб.: Изд-во «При Имп. Академии Наук».
- 2- Алоэ С. (2003). *Trias poetarum: Пушкин 'покровитель' и Пушкин 'под покровительством' в поэтическом Пантеоне В.К. Кюхельбекера // Болдинские чтения 2002*. – Нижний Новгород: Изд.-во «Книги», – С. 77-90.
- 3- *Книга Аль-Коран* (1790). *Книга Аль-Коран аравлянина Магомета, который в шестом столетии выдал оную за ниспосланную к нему с небес, себя же последним и величайшим из пророков божьих*. Перевел с французского Мизайла Веревкин. В Санкт-Петербурге, в типографии Горного Училища.
- 4- Кюхельбекер В.К. (1967). *Избранные произведения в двух томах*. Том первый. М.-Л.: Изд-во «Советский писатель».
- 5- Кюхельбекер В.К. (1979). *Путешествие. Дневник. Статьи*. – Серия «Литературные памятники». Л.: Изд-во «Наука». Ленинградское отделение.
- 6- Попов А.В. (1951). *Бакиханов и Кюхельбекер // Ученые записки Ставропольского Педагогического Института*, Кн. 7 – С. 181-189.
- 7- Пушкин А.С. (1982). *Переписка А.С. Пушкина в двух томах*. Том второй. М.: Изд-во «Художественная литература».
- 8- Топоров В.Н. (2006). *Из "русско-персидского" дивана. Русская сказка *301 А, В и "Повесть о Еруслане Лазаревиче" - "Шах-наме" и авестийский "Зам-язат-яшт" (Этнокультурная и историческая перспектива) / Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Том 2: Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 2. М.: Изд-во «Языки русской культуры»*. – С. 505-555.
- 9- Тынянов Ю.Н. (1929). *Архаисты и новаторы*. Л.: Изд-во «Прибой».
- 10- Тынянов Ю.Н. (1939). *В.К. Кюхельбекер // Кюхельбекер В.К. Лирика и поэмы*. Том первый. Л.: Изд-во «Советский писатель». С. V-LXXX.
- 11- Чалисова Н.Ю., Смирнов А.В. (2000). *Подражания восточным стихотворцам: встреча русской поэзии и арабо-персидской поэтики // Сравнительная философия*. М.: Изд-во «Вост. лит. РАН». С. 245-345.

Bibliography

- 1- *Al Koran Magomedov* (1792). *Al Koran Magomedov*, perevedennyj s arabskogo na anglijskij Georgiem Sejlem. S anglijskogo na rossijskij perevel Aleksej Kolmakov. SPb.: Izd-vo «Pri Imp. Akademii Nauk».
- 2- Alojse S. (2003). *Trias poetarum: Pushkin 'pokrovitel' i Pushkin 'pod pokrovitel'stvom' v pojeticheskom Panteone V.K. Kjuhel'bekera // Boldinskie chtenija 2002*. – Nizhnij Novgorod: Izd.-vo «Knigi», – S. 77-90.

- 3- *Kniga Al'-Koran* (1790). *Kniga Al'-Koran aravljanina Magometa, kotoryj v shestom stoletii vydal onuju za nisposlannuju k nemu s nebes, sebja zhe poslednim i velichajshim iz prorokov bozh'ih*. Perevel s francuzskogo Mizajla Verevkin. V Sankt-Peterburge, v tipografii Gornogo Uchilishha.
- 4- Kjuhel'beker V.K. (1967). *Izbrannye proizvedenija v dvuh tomah*. Tom pervyj. M.-L.: Izd-vo «Sovetskij pisatel».
- 5- Kjuhel'beker V.K. (1979). *Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i*. – Serija «Literaturnye pamjatniki». L.: Izd-vo «Nauka». Leningradskoe otdelenie.
- 6- Popov A.V. (1951). *Bakihanov i Kjuhel'beker // Uchenye zapiski Stavropol'skogo Pedagogicheskogo Instituta*, Kn. 7 – S. 181-189.
- 7- Pushkin A.S. (1982). *Perepiska A.S. Pushkina v dvuh tomah*. Tom vtoroj. M.: Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 8- Toporov V.N. (2006). *Iz "russko-persidskogo" divana. Russkaja skazka *301 A, V i "Povest' o Eruslane Lazareviche" - "Shah-name" i avestijskij "Zam-jazat-jasht" (Jetnokul'turnaja i istoricheskaja perspektiva) / Toporov V.N. Issledovanija po jetimologii i semantike. Tom 2: Indoevropskie jazyki i indoevropistika. Kn. 2. M.: Izd-vo «Jazyki russkoj kul'tury». – S. 505-555.*
- 9- Tynjanov Ju.N. (1929). *Arhaisty i novatory*. L.: Izd-vo «Priboj».
- 10- Tynjanov Ju.N. (1939). *V.K. Kjuhel'beker // Kjuhel'beker V.K. Lirika i pojemy. Tom pervyj*. L.: Izd-vo «Sovetskij pisatel». S. V-LXXX.
- 11- Chalisova N.Ju., Smirnov A.V. (2000). *Podrazhanija vostochnym stihotvorcam: vstrecha russkoj poezii i arabo-persidskoj pojetiki // Sravnitel'naja filosofija*. M.: Izd-vo «Vost. lit. RAN». S. 245-345.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Aloe, S. (2019). Persian Poetry in the Perception of Wilhelm Küchelbecker. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 13, 11-28.

DOI: 10.29252/iarll.13.11

URL: <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/42>

چکیده‌های فارسی

اشعار فارسی از دریچه نگاه کیوخلبئکر

استفانو وینچنتساویچ آلوئه^۱

استاد، دانشگاه شهر ورونا،

ورونا، ایتالیا.

(تاریخ دریافت: ژانویه ۲۰۱۸؛ تاریخ پذیرش: اکتبر ۲۰۱۸)

توجه به آثار منظوم خاورمیانه یکی از پدیده‌های متداول در فرهنگ روسیه و ادبیات نیمه اول سده نوزدهم میلادی و به عبارتی در دوره کوتاه ترویج و گسترش مکتب رمانتیسم است. با این حال در بیشتر موارد این توجه را می‌توان به سطحی از مد شدن کوتاه‌مدت محدود کرد که اثری از خود در طبع ادبی به‌جا نگذاشته است. اما در این میان گریبایدف که در میان ادبای روسیه از معدود کسانی است که به زبان‌هایی چون عربی و فارسی در کنار زبان‌های دیگر مسلط بوده‌اند مستثنی است. در این میان «کیوخلبئکر» دوست وفادار گریبایدف شهرت چندانی ندارد. کیوخلبئکر به زبان‌های یاد شده تسلطی نداشت اما به‌شدت به آثار منظوم خاورمیانه و به‌ویژه اشعار فردوسی و سعدی علاقه و توجه نشان می‌داد؛ این امر سبب شد که برخی از آثار منظوم او مربوط به دهه‌های ۲۰ و ۳۰ با تأثیرپذیری از این آثار خلق کردند.

واژگان کلیدی: و. ک. کیوخلبئکر، آ. س. گریبایدوف، فردوسی، اشعار فارسی، ی. و. گوته.